

И. Ямпольский

Василий Шибанов

Основным источником стихотворения является следующий отрывок из «Истории государства Российского» Карамзина:

Курбский «ночью тайно вышел из дому, перелез через городскую стену, нашел двух оседланных коней, изготовленных его верным слугою, и благополучно достиг Вольмара, занятого литовцами. Там воевода сигизмундов принял изгнанника как друга, именем королевским обещая ему знатный сан и богатство. Первым делом Курбского было изъясниться с Иоанном: открыть душу свою, исполненную горести и негодования. В порыве сильных чувств он написал письмо к царю; усердный слуга, единственный товарищ его, взялся доставить оное и сдержал слово: подал запечатанную бумагу самому государю, в Москве, на Красном крыльце, сказав: “От господина моего, твоего изгнанника, князя Андрея Михайловича”. Гневный царь ударил его в ногу острым железом своим; кровь лилася из язвы; слуга, стоя неподвижно, безмолвствовал. Иоанн оперся на желез и велел читать вслух письмо Курбского... Иоанн выслушал чтение письма и велел пытатель вручителя, чтобы узнать от него все обстоятельства побега, все тайные связи, всех единомышленников Курбского в Москве. Доброжелательный слуга, именем Василий Шибанов... не объявил ничего, в ужасных муках хвалил своего отца-господина; радовался мыслию, что за него умирает».

Сравните также слова Шибанова

О князь, ты, который предать меня мог
За сладостный миг укоризны

с таким местом:

«Он наслаждению мести, удовольствию терзать мучителя словами смелыми пожертвовал добрым, усердным слугою».

Источником строф 11–12 является подлинное письмо Курбского к Ивану Грозному. Вот отрывки из него:

«Прочто, царю, сильных во Израиле побил еси?.. Не прегордые ли царства разорили и подручных во всем тебе сотворили, мужеством храбрости их... Не претвердые ли грады германские тщанием разума их от бога тебе даны бысть?. Или бессмертен, царю, мнишишь? Или в необытную ересь прельщен, аки не хотя уже предстати неумытному судии, богоначальному Иисусу... Кровь моя, якоже вода пролитая за тя, вопиет на тя ко господу моему!»

Толстой несколько сдвинул исторические события. Бегство Курбского и его первое письмо к царю относятся ко времени до возникновения опричнины, а молебствия царя с опричниками происходили не в центре Москвы, на глазах у всего народа, а в Александровской слободе, куда он переехал в 1565 году. Достоевский, говоря о Курбском и Шибанове в «Дневнике писателя» 1877 года, пересказывает факты явно по балладе Толстого.